

Маслова
Театр Романа Виктюка
Независимая газета - 1992 - 21 мая - с. 7

ПЛУТ

В «Служанках» не актер играет какую-то роль, нет; здесь уж, скорее, сам персонаж играет своего актера

Андрей Караулов

Театр

РОМАН ВИКТЮК — гениальный обманщик: театр Виктюка строится на превосходном, совершенно фантастическом обмане; это режиссура очень большого мастера и очень большого плута.

Его плутовство — как поэма. Я не знаю, верит ли Виктюк в Бога, но его спектакли не видны, но во что он точно верит, так это в страсть; любая страсть для него смысла жюки. Говоря о страсти, Виктюк выдает себя за поэта, хотя какой же он поэт, откуда? Его плутовство — несчастье, которое с ним навсегда. Было бы оно всего лишь игрой, всего лишь шуткой или, скажем, любимым развлечением, — но нет же: плутовство Виктюка — это целое искусство, это некая конструкция, на которой все держится.

Впрочем, если говорить о самой конструкции, то она проста. Принципы такой.

Клер в «Служанках» говорит: — Ах, как Мадам добра! Мадам прекрасна! Мадам нежна! А мы, благодарные, каждый вечер на своем чердаке молимся за нее. Мы никогда не повышаем голоса и даже не осмеливаемся называть друг друга на «ты» в ее присутствии. Так Мадам убивает нас своей нежностью! Своей добротой она отравляет нас! Мадам прекрасна! Мадам нежна!..

Это в пьесе. А у Виктюка? Николай Добрынин — Клер вдруг бросается вперед, на авансцену, и кричит так, будто ей в спину сейчас, вот только что возникли нож. Она плохо владеет собой, ей хочется сказать что-то больше, чем она говорит, — в этот момент Клер выхватывает из тенноты мощные руки прожекторов, все сильнее и сильнее звучит музыка, а она, безумная, мечется по сцене, перебивается, вояла себя, в зал, словно идет здесь чьи-то глаза и повторяет одно и то же, одно и то же: «Мадам прекрасна! Мадам нежна!..»

Сделана потрясающе. Но ради чего?

Создав для монолога Клер соответствующий антураж, Виктюк скрывает его у сцоту.

Это — как ночью: яркий спол света, несущийся навстречу, вспыхивает глаза — ну а что потом?

Принцип Фейербаха. Все очень красиво, здорово. А вспомнить нечего.

Ну не буквально, конечно, — только почему все-таки Виктюк ставит «Служанки», а не Шекспира, допустим, «М. Баттерфляя», а не Мольера, в чем же дело и почему все-таки его так тянут к себе, так волнуют эти странные люди, которые живут только одной любовью и умрут молодыми, это видно... Интересный вопрос.

У Романа Виктюка — роман. Он не влюблен в «Служанку», нет, он действительно любит это все, и вот почему, кстати говоря, даже речи не может быть о том, чтобы служанка у Виктюка была бы действительно «служанкой» — его мужчинам играют не служанка, а девочки. (В спектаклях Виктюка вообще много детского.) Если бы Виктюк не оставил «Служанку», отказав бы себе в этом удовольствии, он бы умер, я думаю. Как Гете с «Вертером», с той только разницей, что... — впрочем, зачем об этом говорить, если все ясно и так? Вот почему, кстати сказать, «Служанки» — неординарный спектакль. Любый порок эффектов, если это, конечно, порою, а не уродство, но в «Служанках» столько милой эротичности, а Мадам, Клер, Соланж и Месье так любят друг друга, что остаются ошущенные: этот спектакль сделан только для своих, для закрытого клуба. Или — скажем так — для себя. Во всяком случае, когда на сцену выходит Соланж и Клер, кажется, что сам Виктюк стоит в этот момент в кулисах и наслаждается ими, наслаждаясь тем, как двое красивейших мужчин играют девочку, купаясь в их легком и красивых одеждах... Почему это нужно скрывать? Зачем? Не знаю. Но Виктюк — скрывает. А скрывать почему все-таки он ставит «Служанки» можно только одним способом — убедить всех, что это очень хорошая пьеса.

Вот тут-то и начинается его плутовство. Самое первое: микрофоны. Оказывается, они в «Служанках» необходимы. Только понять бы еще, где они прячутся на этих красивых полуоткрытых телах! Микрофоны живо высасывают каждое слово, ласкают его, если в нем есть что-то приятное или эротическое, — Виктюк хочет, чтобы в «Служанках» слова не проносились, а как бы напешивались зрителям на ухо. Между словом, которое просто облетело в зал, и словом, которое обращено в зал вроде как по секрету, есть некоторая граница. Чисто психоаналитическая, разумеется, но эффект, который нужен Виктюку, получен: зал от такого изне-

тывания сидит как завороченный, текст пьесы кажется очень глубоким, многоплановым и т. д. Голоса актеров звучат — в микрофоны — красиво и точно, выируют интонации, в них струится сладость... — то есть банальность слов Клер, Соланж и особенно Мадам отступает сейчас перед тем, как они проносятся, перед красотой их звучания.

Но ведь это не опера. Действительно: актеры Виктюка играют с микрофонами так, будто это не микрофоны, а музыкальные инструменты; Клер и Соланж только делают вид, что разговаривают между собой, на самом деле каждый из них смотрит куда-то поверх головы и обращается прямо в зрительный зал. Реплики Клер и Соланж — это маленькие «солонные номера»: с первых же минут Клер и Соланж будто бы позируют друг перед другом, да и потом, позже, когда любовный оттар уже готов, их поэмы и жесты неадекватны тем словам, тем фразам, которые они же и проносятся. Неадекватность — черта стиля «Служанки». В этом искусственном мире, где жизнь представлена в виде конструкции, где нет и не может быть человеческого атмосферы, все поставлено «на зрителя». Только! Цель одна: завоевать, заострить его внимание. Герои «Служанки» могут вдруг превратить свой спектакль в балет, совершенно неожиданно принять любую эффектную позу или, как говорит

воинует история, как две скротки хотели отравить свою благодетельницу, — ну что за бред?

А спектакль, между тем, замечательный. В самом деле, это факт.

Надо же: говорил-говорила, почти смеялся и вдруг — р-раз!

Да. Роман Виктюк так увлечен — в спектаклях — конструированием обманов, что приближается, на мой взгляд, к созданию нового театрального жанра.

Есть вещи, канувшие в небытие, — XX век уже открыл в театре едва ли не все, что можно было открыть; с легкой руки режиссуры «подзаголовки» наших спектаклей обозначаются в афишах кто из них как захочет, кто во что горазд, от «хороший сказ в десяти заплатах» до «сновидения белых ночей» до вообще «никакие: «пьеса», «спектакль» или «театральная версия», хотя чем «хороший сказ» становится от «сновидения» и как, в каком стиле, с какой интонацией его играть, не знает никто; дажно, это всего лишь афиши, конечно, но ведь и на сцене царят полная неразбериха, хотя если говорить о новых жанрах, то в последнем театре их, пожалуй, только два: рок-опера и мениппе, то есть плутовской спектакль, где свое внутреннее время, свое пространство; близкой к комедии, но не превращающийся в нее, как это просто и ясно показала Любимов в «Мастере и Маргарите». Теперь, чтобы все стало по-

Сцена из спектакля «Служанки»

Фото Валерия Плотникова.

в балете, встать в любую «позицию», не думая о том, как это согласуется — в данную минуту — с их речью и сюжетом. Они знают, что Виктюк всегда их оправдывает, подладит или, если нужно, специально выстроит мизансцену таким образом, чтобы, по крайней мере, внешне все было бы красиво. У них вообще полное право вымывать какой-то фокус — пожалуй! Если уж говорить все до конца, то Виктюк в «Служанках» ведет более хитрую игру, чем это кажется на первый взгляд: он хочет, чтобы его зритель буквально отдался его спектаклю. Да-да, именно отдался: «Служанки» — это тот спектакль, который соблазняет зрительный зал, причем приемы и атмосфера самые, как говорится, подходящие: будуар, полутарак, шелтанье на ухо, медленные ритмы, полуоткрытые тела...

Какой охот! Сколько в нем красоты... Огромную роль здесь играет музыка. И незачем, что пьеса Далиды, особенно та самая, первая, которая звучит в спектакле почти как выходящая армия Мадам, немощно о другом — это так красиво, что отказаться невозможно, а что касается слов, то просто не надо обращать на них внимания, не говоря уж о том, что, коль скоро они поются по-французски, половина зала вообще ничего не поймет...

Сплошные плути, одним словом. Результат такой: поставив перед собой цель изъять из «Служанки» все недостатки пьесы и — прежде всего — укрепить точку сюжета, выстроив вокруг него эффектные пластические фантазии, Виктюк вдруг вошел во вкус и так «разгулялся», что забыл о Жане Жене и стал откровенно, уже ничего не стесняясь, кружить голову публике. В финале спектакля зритель устраивает прекрасный театр танца. Почему танца — никто не знает, но это минуты, которые запомнятся навсегда. С Жаном Жене все конечно, ибо зачем же ему сейчас Жан Жене, если от их романа родился прекрасный ребенок, — спектакль «Служанки». Теперь он любит его! Да, это замена — ну и что? Да, пьеса перечеркнута — так ведь не в ней дело! Вдруг все стало понятно. Обман раскрылся. Актеры ликуют. Они вырвались на свободу и веселятся, да и сколько же можно, в конце концов, делать вид, что их всерьез

янтно, сразу о главном! — о том, как Роман Виктюк работает с пьесой.

Виктюк создает — вокруг текста — его образ. Он идет эхо. Почти в каждой реплике, даже в словах. Их эхо может быть выражено — на сцене — пластически, музыкально, в жесте или жестах — как угодно!

Получается двойной спектакль.

«Служанки» — двойной спектакль. «М. Баттерфляя» и «Уроки мастера» — тоже. Не спектакль в спектакле, а именно два слоя, как бы играющие друг с другом: слово и его эхо, сам текст и его отражения. Между ними — актер.

И он, актер, не хочет, чтобы его персонаж был бы только героем пьесы.

Скорее уж наоборот: в «Служанках» не актер играет какую-то роль, кого-то из персонажей, нет; здесь сам персонаж играет своего актера. Та же Клер, легкая и ужасная, будто бы говорит: а сейчас, дамы и господа, я покажу, проделываю лирику вам, как небу, будет играть актер Николай Добрынин. И — поносилась; реплики, которые проносятся актеры, и в самом деле отталкиваются в жестах, то в их пластике, то в музыке (то есть ими и воюют них), но это не самопародия, не кривое зеркало — ни в коем случае! Здесь, в «отражении», большие грусти, чем смеха, будуар Мадам — это могла, только очень красивая, особенно в полумраке, но речь сейчас о другом: это все, если разобраться, не отражения в чистом виде, а уж, скорее, игра в отражении, все они — сцене — больше придуманы, чем «услышаны», называя спектакль. Существует некий иной мир, где каждый из героев устраивает свой маленький театр, представляя себя то актером, то служанкой, роли у них двойные, поэтому и игра двойная, но как бы ни манила к себе та эстетическая нитрига, которую устраивает Виктюк, меня «улаженнее» спектакля неместа, результат в «Служанках» странный: атмосфера здесь «умнее», чем легкая, эмоция — чем мысли, «отражения» — чем текст...

Ито-то, быть может, возразит, что плутовской спектакль родился раньше и его традиции восходят еще к старым пьесам о фаусте — но это, по мнению, не так. Фауст всегда игрался в театре как легенда, а «Мастера и Маргариту» играть как легенду нельзя.